

Глава 31. Самое хаотичное Распределение в истории. Часть первая

Как бы Абраксас Малфой ни изощрялся в придириках, каким бы невыносимым он ни был, юному Люциусу оставалось лишь безропотно терпеть. В конце концов, совсем скоро он уедет в школу. Пусть тогда этот старый хрыч сам отдувается на бесконечных домашних приемах! Глядишь, еще и мачеху какую-нибудь себе подцепит, кто его знает.

Любой здравомыслящий человек понимал, что в обычное время аристократические приемы устраивают не так уж часто. Но стоило их не достигшим совершеннолетия детям отправиться в школу, как количество званных ужинов начинало расти в геометрической прогрессии. Делалось это ради того, чтобы молодежь получше узнала друг друга и, если повезет, присмотрела себе идеальную партию. Говорили, в былые времена иным счастливицам доводилось посещать по четыре-пять приемов за один только день! Родители, разумеется, обязаны были сопровождать своих чад — кто знает, в кого их ненаглядный ребенок влюбится с первого взгляда? Благо на подобные торжества приглашали исключительно чистокровных магов или людей, облеченных властью, включая одного небезызвестного Темного Лорда, так что происхождение избранника или избранницы никого не заботило.

Родословная в любом случае была безупречной, а если хромали манеры — что ж, для этого существовало специальное предсвадебное обучение. Словом, если в приличной семье подрастал ребенок и дело шло к школе, то родителей можно было только «поздравить»: впереди их ждали весьма бурные деньки. Родовые гнезда на этот период превращались в подобие бесплатных гостиниц.

Проявив истинно благородное великодушие, Люциус усмирил свой нрав, послушно преподнес отцу десерт и в одиночку отправился в Косой переулок, чтобы докупить все необходимое по списку. Разумеется, заказывая мантии, он лишь сухо перечислил свои пожелания и близко не подпустил к себе нахальную волшебную ленту мадам Малкин.

Но когда дело дошло до покупки волшебной палочки, мальчик болезненно поморщился. Этот старый безумец Олливандер издевался над ним совершенно сознательно! Люциусу пришлось махать руками весь день, прежде чем нашлось то самое «исключительное» орудие. Мальчик в ярости стиснул зубы. Сначала он хотел поклясться именем короля Артура, что найдет себе другого мастера, но потом, вспомнив древнюю историю лавки Олливандеров, лишь обреченно вздохнул и потер макушку. Ладно, пусть будет клятва именем Мерлина — тот все равно давно растерял всякую репутацию в вопросах чести.

Покупать питомца в Косом переулке наследник не стал. Вместо этого он выбрал в семейном вольере холеного черного ворона — для отправки писем этого вполне хватало. На самом деле лучшим питомцем и другом он давно считал Добби, но если бы об этом узнали посторонние, завистники тут же подняли бы вой о падении нравов благородного семейства. Какая глупость! Добби ведь его личный домашний эльф, при чем тут вообще падение нравов?

На платформе девять и три четверти Люциус элегантно вышагивал рядом с отцом. Когда пришло время прощаться, мальчик ловко увернулся от попытки Абраксаса поцеловать его в макушку и хладнокровно швырнул свой багаж поджидавшим неподалеку Краббу и Гойлу.

Манеры за столом у этих двоих, как и их внешний вид, оставляли желать лучшего, но в сущности они были неплохими ребятами. По крайней мере, пока у них есть еда, они никогда не лезли с дурацкими расспросами. Уж точно лучше, чем эта невыносимая «цветочная бабочка» Альберт Забини.

Абраккас лишь вздохнул, глядя на упрямого сына. Он и сам не хотел прятать Добби, но внешность этого эльфа была слишком уж необычной. Если показать его общественности прямо сейчас, проблем не оберешься. Ладно, на рождественских каникулах вернемся к этому разговору. Старший Малфой даже не подозревал, что его сын уже твердо решил не возвращаться домой во время учебы. Впереди Абракаса ждали очень непростые времена.

Впрочем, сейчас его занимали совсем другие мысли. Он предвкушал триумф. Скоро, совсем скоро их прекрасный домашний эльф предстанет перед всем миром при свете дня! О, Малфои определенно окажутся в центре всеобщего внимания. Он ведь подробно расспросил предка на портрете. В древности многие пытались создать ритуал преобразования, но большинство уничтожили свои наработки после того, как домашние эльфы отвергли их. Уцелевшие магические круги можно было пересчитать по пальцам одной руки. Помимо Малфоев, существовало лишь два рода с подобными секретами, но оба они давно угасли. А поскольку ключевой компонент для активации круга — природный камень — давно исчез с лица земли, Малфои остались единственными обладателями этого чуда. Жизнь определенно была прекрасна.

Люциус сидел в роскошном купе Малфоев, меланхолично наблюдая за проносящимися за окном пейзажами. Отец строго-настрого запретил выпускать Добби до прибытия в школу. В Хогвартсе домашние эльфы испокон веков находились под надежной защитой замковой магии. Для Добби, который все еще находился на раннем этапе развития эльфа и не умел в полной мере управлять своими силами, это было жизненно важно.

В конце концов, в магическом мире не существовало законов, защищавших права домашних эльфов. Случись что, укради кто-нибудь Добби — и пиши пропало. К тому моменту, как Люциус отыскал бы его, бедного малыша могли просто препарировать ради экспериментов. Далеко не все чистокровные семьи отличались тем безупречным благородством и чувством прекрасного, которым так гордились Малфои. Большинство из них были дикарями, неспособными оценить истинную красоту!

Время летело незаметно за мысленным ворчанием Люциуса и оглушительным чавканьем его спутников, которые в свои одиннадцать лет напоминали скорее троллей, нежели детей. Но когда поезд наконец прибыл и взгляду мальчика открылся величественный замок, возвышающийся на вершине скалы, он понял, почему взрослые всегда говорили о Хогвартсе с таким благоговением. Даже его отец, как бы ни презирал нынешнего директора, без лишних споров оплачивал все присылаемые счета. Этот замок казался чистым величием, не заслуживающим никакой скверны. Он действительно был лучшим.

Очарование, Впрочем, улетучилось, стоило Люциусу переступить порог Большого зала и бросить взгляд на табурет, где покоился распределяющий артефакт. Да, замок был великолепен, но почему эта старая пчела Дамблдор не мог элементарно почистить Распределяющую шляпу?! Она же была невыносимо грязной!

Люциус твердо решил: как только он унаследует титул главы рода, первым же делом выставит несносного старика-отца прочь из поместья. Пусть катится на все четыре стороны, хоть к своему любовнику! Негодный папаша... Да и Дамблдор хорош. Неужели у величайшего светлого мага не нашлось способа отстирать эту тряпку? Или хотя бы натянуть поверх нее чистый чехол! А уж эта кошмарная, режущая слух песня... О Хогвартс, Распределяющая шляпа — твой самый большой и постыдный провал!

Когда профессор Макгонагалл выкрикнула имя Люциуса Малфоя, мальчик с тяжелым вздохом вышел вперед. Он застыл перед табуретом и не двигался целых три минуты. Никто из преподавателей не вымолвил ни слова: все прекрасно помнили фамильные капризы этого семейства. Старожилы еще не забыли, как в свое время юный Абраксас Малфой устроил у табурета забастовку на добрых полчаса, пока Дамблдору не пришлось лично применить силу, чтобы нахлобучить на него Шляпу.

Шляпе тогда пришлось несладко. Едва экзекуция завершилась, Абраксас молниеносно выхватил палочку и, прежде чем директор успел среагировать, выдал тридцать девять Эскуро подряд. То ли чары вошли в резонанс, то ли древняя магия артефакта взбунтовалась, но Шляпа мгновенно покрылась густой мыльной пеной, которую ничем не удавалось смыть. В итоге все первокурсники, шедшие в списке после Малфоя, проходили распределение под обиженное, булькающее ворчание утопающего в мыле артефакта.

На этом фоне Люциус вел себя гораздо достойнее своего родителя. По крайней мере, он не устраивал сцен, из-за которых его могли принять за неотесанного гриффиндорца. Спустя двадцать минут томительного ожидания, когда гриффиндорцы начали терять терпение, хаффлпаффы со стонами сползали со скамеек от голода, а слизеринцы из последних сил держали марку, мальчик наконец соизволил сесть на табурет. Распределяющая шляпа оказалась на редкость сообразительной. Отлично помня, как после встречи с его отцом ей пришлось целый месяц плевать мыльными пузырями, она, едва коснувшись платиновых волос Люциуса, истошно завопила:

— Слизерин!

Хотя прикосновение было мимолетным, Люциус едва сдерживал тошноту. Гордо вышагивая к змеиному столу под аплодисменты факультета, он мысленно поклялся, что завтра же пропустит все занятия, запрется в ванной и отмоемся как следует.

Однако не успел он дойти до стола, как тяжелые двери Большого зала вновь распахнулись. В помещение ворвался крошечный силуэт. Прежде чем Люциус успел хоть что-то сообразить, этот маленький вихрь с разбегу запрыгнул на него и мертвой хваткой вцепился в его мантию, уткнувшись носом в грудь.

Ошеломленный Люциус опустил взгляд. Ощувив мягкое тельце и знакомый аромат, он сразу понял, что уткнувшийся в него лохматой нежно-голубой макушкой пришелец — никто иной, как Добби. Но почему он выскочил сейчас? Ведь дома малыш наотрез отказывался ехать в школу и согласился только после клятвенных заверений, что его не будут выставлять напоказ.

— Добби, что случилось? — с тревогой в голосе прошептал Люциус.

Малыш отличался строптивым нравом, и обычно Люциусу приходилось ловить его силой, чтобы просто обнять. Такое добровольное проявление нежности случилось впервые. Наверняка стряслось что-то из ряда вон выходящее.

Добби лишь сильнее зарылся лицом в его грудь, упорно отмалчиваясь.

«И что мне ему сказать? — в панике думал домашний эльф. — Что меня зажала в углу толпа привидений и кучка невероятно назойливых местных эльфов? И что в довершение всего Филч попытался меня утешить, но улыбнулся так жутко, что я разрыдался от ужаса? Черт бы побрал это детское тело! Да, физически я еще младенец, но разум-то у меня взрослый! Я человек, а не беззащитный ушастый недотыкомка! Филч, конечно, мужик неплохой, но его оскал — это же чистый кошмар! А хогвартские домашние эльфы? Откуда в них столько беспардонного любопытства? Куда делась их хваленая скромность? Они ведь пытались содрать с меня одежду! Да это же насилие над несовершеннолетним! Настоящее преступление! Видимо, стоит застрять в чужом теле, как вокруг начинает твориться какая-то дичь... Но Мерлин, до чего же теплым и безопасным сейчас кажется этот надменный Люциус!»

Под изумленными взглядами слизеринцев, едва не лишившихся дара речи, Люциус уселся за стол и принялся осторожно похлопывать Добби по спине. Малыш явно перенес сильнейший шок — в обычное время этот строптивец уже брыкался бы вовсю, пытаясь вырваться.

Тем временем распределение продолжалось, но внимание зала было безнадежно утеряно. Никого не интересовал ни праздничный ужин, ни приветственная речь Дамблдора — все взоры были прикованы к Люциусу Малфою. Исключение составляли лишь ничего не понимающие маглорожденные. Чистокровные же заворуженно наблюдали, как всегда безупречный, надменный наследник благородного семейства с нескрываемой нежной заботой баюкает на руках пухлый, отлично откормленный комочек. Куда делся тот спесивый гордец, который еще полчаса назад смотрел на всех свысока? Что за глупая улыбка застыла на его лице?

Сидевшие рядом Крабб и Гойл полностью игнорировали происходящее, сосредоточившись на поглощении еды. Их единственной обязанностью было беспрекословное подчинение Малфою, а личная жизнь патрона их мало волновала. Впрочем, если бы они умели глубоко мыслить, то наверняка удивились бы: почему сам Люциус, тонкий как тростинка, почти ничего не ест, а лишь увлеченно скармливает лучшие кусочки своему маленькому спутнику?

Постепенно личико Добби, увлекшегося угощением, показалось из-под мантии. Стоило признать, что этот малыш приковывал к себе куда больше внимания, чем сам юный лорд. Разумеется, сравнивать их было нельзя — они принадлежали к совершенно разным типажам. Но если Люциус, несмотря на всю свою детскую миловидность, отталкивал излишней холодностью и надменностью, то в Добби удивительным образом сочетались трогательная хрупкость и абсолютная, почти сонная безмятежность.

Манеры, оставшиеся у эльфа от прошлой человеческой жизни, придавали его облику

невероятное очарование — он вызывал у окружающих непреодолимое желание немедленно его приласкать. И когда эти двое — один заботливый и сосредоточенный, другой сонный и лениво жующий — устроились за столом Слизерина, картина напоминала парочку нежных, белоснежных булочек, лежащих на одном блюде. Выглядело это до невозможности мило.

Но стоило Добби расслабиться и начать получать удовольствие от обеда в этой тихой гавани, как в Большой зал величаво вплыла толпа замковых привидений. Бесцеремонно проигнорировав остальных студентов, они направились напрямик к Люциусу. Возглавлял процессию не кто иной, как Кровавый Барон — гроза слизеринского факультета.

Воздух вокруг ощутимо похолодел. Почувствовав неладное, Добби теснее прижался к Люциусу и поднял глаза, столкнувшись взглядом с мертвенно-бледным призраком. Из груди малыша уже готов был вырваться испуганный визг, но Люциус среагировал мгновенно и мягко зажал ему рот ладонью. В конце концов, как бы ни страдала сейчас его собственная репутация, кричать за обеденным столом совершенно не подходило истинному джентльмену.

— Прошу прощения, сэр, — вежливо обратился Люциус к призраку, непрерывно поглаживая дрожащего малыша по спине. — Мы можем вам чем-то помочь?

«Эх, — промелькнуло в голове слизеринца, — знай я заранее, что кроха так боится призраков, обязательно наводнил бы поместье привидениями. Это же идеальный повод лишний раз прижать его к себе и утешить!»

Барон проигнорировал слова Люциуса. Его пустой взор был устремлен исключительно на Добби. Разомкнув бледные губы, призрак заговорил — и его сухой, загробный голос, эхом разнесшийся под сводами Большого зала, мгновенно поверг весь Хогвартс в мертвую, шокированную тишину:

— Дивный народ сбросил оковы рабства... Фейри пробудился в теле домашнего эльфа.